

Николай Петрович Вагнер

Берёза

Н. П. Вагнер
БЕРЁЗА

Она росла на небольшой поляне, прямая, стройная берёза, с белым стволом, с пахучими, лаковыми листочками. А кругом неё шумели старые дубы, цвели белым цветом и сладко благоухали раскидистые большие липы, зеленели зелёными иглами яркие бархатные пихты, круглились иглистыми шапками красивые сосны, и постоянно дрожали как будто от страха всеми своими серо-зелёными листочками горькие, траурные осины. Одним словом, кругом берёзы была целая роща, хотя и небольшая, но очень красивая.

Берёза росла и помнила, как она росла. Она помнила, как трудно было рыться и отыскивать в земле пищу её молодым корешкам. То земля была очень рыхла, то слишком жестка, то вдруг камень мешал расти какому-нибудь её корешку, и тот поневоле должен был отходить в сторону, а другие, упрямые, не хотели отойти и умирали; зато другим от этой смерти было просторнее.

— Почему же. — думала берёза, — земля не везде одинакова? То много чересчур в ней пищи, то мало, то совсем нет, и зачем эти камни на дороге? Как всё это скучно!

Когда весной солнце отогревало берёзу и она просыпалась от долгого зимнего сна, ей было так хорошо. Солнце светило ярко, приветливо грело. Воздух был полон тёплых паров, земля как будто сама предлагала проснувшимся корешкам сочную, вкусную пищу. Всё это было так хорошо. И берёза развёртывала свои смолистые, пахучие почки. Она вся радовалась, вся благоухала, вся одевалась мелкими, яркими жёлто-зелёными листочками.

Но это не всегда так было. Чем длиннее становились дни, тем сильнее грело солнце. Потом оно уже пекло, начинало жечь, и очень больно. Листья на берёзе покрывались пылью, сохли и желтели. Она умирала от жажды.

— Каплю, хоть одну каплю дождя! — молила она.

И, наконец, явился дождь. Налетела с гулом и вихрем чёрная туча. Верхушки деревьев шумели, гнулись, все их листочки дрожали. Ветер рвал их и уносил далеко. Но буря не могла достать берёзы. Её защищали другие деревья, она чувствовала только, как по всем

её листочкам пробежал лёгкий, свежий ветерок, и ей было хорошо.

А вот и дождь. Он хлынул как из ведра, ветер мчал его капли. Он ими бил и хлестал всё, что ему попадалось: лес, траву, дома, людей.

— Зачем же так больно! — говорила берёза. Но дождь не понимал этого: он сёк берёзу холодными каплями всё сильнее и сильнее, и ей было и больно и холодно.

— Ах! — шептала берёза. — Как всё гадко на свете! Как мне больно и холодно! Ещё сегодня утром я задыхалась от жару, а теперь мёрзну от холоду, больная, избитая, израненная!

И пошёл холодный дождь, пошёл не переставая, и день, и два, и три. Берёза совсем ооченела, точно зимой.

— Ах, как всё это гадко, как гадко! — шептала она.

Наконец дождь перестал. Тучки расплылись в тумане, и солнце опять стало греть. Берёза отогрелась, отдохнула, расправила все свои листочки, но она боялась и дождя, и холода, и стояла грустная, не доверяя ни солнцу, ни всему тому, что было вокруг неё.

Раз, рано утром, когда ещё трава спала под холодной росой и розовое утро алело на вершинах деревьев, в рощу пришло много крестьян с пилами и топорами, и пошла работа. Стук, шум, крик. Старые деревья пилили пилами, рубили топорами, и они с треском и стоном валялись на землю. К полудню работа была кончена, почти все деревья лежали вокруг берёзы мёртвые. Не тронули только берёзу и ещё несколько осин, которые были такие же молодые, как и берёза.

Не стало рощи — далеко вокруг берёзы было чистое поле.

— Вот как хорошо теперь видно! — думает берёза. — Синие светлые горы. Там должно быть очень тепло. А перед ними море, над ним летают белые птицы. Вон луг, такой зелёный, бархатный. По нему ходят барашки. Они, верно, придут и ко мне в гости. Ах! ничего этого я не видала прежде. И откуда же приходят тучи, и дождь, и град!

Недолго думала берёза. Не прошло и двух дней, как собрались тучи, поднялся ветер; он дул всё сильнее и сильнее. Все горы покрылись облаками, посинело бурное море. Все

звери и маленькие зверьки и птички попрятались кто куда мог. Только длиннокрылые чайки вились над белыми валами.

А ветер свистел, гудел и ревел ураганом.

— Я теперь мчусь на крыльях могучих, я теперь чувствую силу. Сторонитесь все, простору мне, простору! — И он налетел на берёзу.

Со стоном покачнулась берёза. Все её ветки, все листики, жилки задрожали.

— Простору, простору! — кричала буря. — Прочь с дороги! Согнись, согнись, преклонись предо мной!

— Ах, я не могу нагнуться, — говорила берёза. — Я с детства выросла прямая и гордая. Я не могу согнуться. Я в этом не виновата.

— Согнись, согнись! — гудел вихорь. — Я не виноват, что мчусь, всё рву и ломаю. Не было бы воздуху, не было бы ветру. Не было бы ветру, не было бы бури. Не было бы воздуху — и не было бы ничего, что дышит воздухом. Прочь с дороги, простору мне, простору! Согнись, согнись предо мною!

— Я не могу гнуться. Не могу! — стонала берёза.

— Ну, так держись крепче! Чья сила возьмёт! — загудел ветер и со страшным порывом налетел на неё.

Застонала, затрещала берёза и, изломанная, вырванная с корнем, повалилась на землю.

А буря мчалась дальше.

— Простору мне, простору, прочь с дороги! Я всё сломаю! — кричала она.

И пролетела буря.

Мало-помалу затих ветер. Настала тишина, проглянуло солнце.

Берёза лежала сломанная, изуродованная. Её листики трепетали. Она ещё была полна жизни, но должна была умереть, потому что буря оторвала её от родной земли, которая её поддерживала и питала.

Выползли жуки, забегали ящерицы, прилетела бабочка, запели птички, защебетали ласточки, выглянул крот из норы.

— Я знал, что так будет, — сказал крот. — Если б не было солнца, не было бы ветру. То ли дело жить в темноте!

— Ты глупый слепыш и больше ничего, — сказала ящерица. — Если б не было солнца, то

не было бы и нас с тобой. — Ты давно бы замёрз в своей тёмной норе. Ах! зачем оно не всегда светит и греет, это доброе, хорошее солнце. Так хорошо, когда оно печёт!

— Нечего сказать! очень хорошо! — сказала улитка. — Нет, когда оно печёт, то не знаешь, куда деваться от жары. Просто приходится зарыться под листья и закупориться в свой домик.

— Из-за чего они все хлопочут, — сказал камень. — Разве не всё равно: буря, солнце, дождь, град, гром, молния, тепло, холод. Я лежу себе спокойно и не боюсь ничего! Меня мочит дождём, сушит ветром, печёт солнцем — мне всё равно, и всё обратится рано или поздно в пыль и песок.

— Да! Если бы так рассуждать, то всем бы надо было быть камнями, — сказал седой мох, который тут же рос на камне, — я давно живу на свете, бывал под дождём и под снегом, высыхал чуть не до корней и снова отрастал. Я много испытал и скажу вам, отчего бывает на свете то гадко, то хорошо.

И все сказали:

— Послушаемте, что скажет седой мох!

— Всё на свете, — сказал мох, — не имеет ни конца, ни начала...

— Это новость! — закричали все.

— ...Потому что всё на свете переходит одно в другое, — досказал мох. Никто не скажет, где кончается тьма и начинается свет, и никто не знает, как далеко идёт свет, которого мы ещё не знаем. Что такое тепло и что такое холод? Улитке тепло, а ящерица в это время чувствует холод. Орехи цветут, когда снег ещё лежит кругом на полях, а липа цветёт только среди жаркого лета. Эфир проникает воздух, воздух проникает камни, камни переходят в травы, травы превращаются в зверей. Одно из другого берёт начало, и нельзя сказать, где кончается одно и начинается другое. Так всё устроено на свете, и живи на нём кто и как может! — Хорошо тому, кто привык к холоду и жару, кто не боится дождя и бури, кто легко переносит голод и жажду, кто может жить даже под снегом, кто твёрд, как камень, и подвижен, как ветер, кто умеет жить полной жизнью и умеет ею наслаждаться...

— Это правда, это правда! — закричали все, — да умрёт всё слабое, что не может поль-

зоваться жизнью и не имеет на неё права! — И все гордо посмотрели друг на друга.

— Ах! — прошептала полумёртвая берёза. — Если бы я могла ко всему привыкнуть, я жила бы и радовалась. Но никто не виноват в моей смерти и я тоже.

Прошла целая неделя. Умерла берёза. Её листики засохли, пожелтели, их почти всё разнесло ветром, и они сгнили далеко один от другого. Из них выросли вкусные белые грибы. Начал гнить и самый ствол берёзы. В нём завелось множество маленьких бурых жучков и белых червячков. Все они с наслаждением ели сочное, сладкое дерево берёзы, и все в один голос повторяли: пусть каждый пользуется жизнью, как может!

Раз, поздно вечером, пришёл старый бедный дровосек с своими ребяташками. Они утащили к себе домой берёзу со всеми жившими в ней жучками и червячками. Старший сын при этом с удовольствием проехался по двору верхом на берёзе, потом её изрубили, бросили в печь. Все жучки и червячки сгорели в печке. Зато сварили хорошую овсяную кашу. Все дети грелись около огня, с насла-

ждением ели кашу и всё повторяли:

— Пусть каждый пользуется жизнью как может!